

© 2021

Игорь Николаев

доктор экономических наук, директор Института стратегического анализа ФБК Grant Thornton (г. Москва)
(e-mail: strategy@fbk.ru)

Виктор Черепов

доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой Государственного университета управления (г. Москва)
(e-mail: Cherepovvm@rspp.ru)

Ольга Соболевская

доктор медицинских наук, профессор кафедры Государственного университета управления (г. Москва)
(e-mail: olsob@bk.ru)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИКИ И ГЛУБИНА ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Статья посвящена исследованию последствий воздействия пандемии COVID-19 на экономики разных стран. Рассмотрены причины, почему экономики разных стран демонстрируют неодинаковую глубину экономического спада в этот период. Рассчитаны оценки общих экономических потерь от COVID-19 в 2020 году для следующих стран: США, Китай, Индия, Франция, Германия, Бразилия, Россия, Великобритания, Япония, Италия, Испания, Канада, ЮАР. В числе основных факторов, определяющих экономическую динамику в данный период, названы: эпидемиологическая обстановка, готовность и эффективность системы здравоохранения; структурные особенности экономики; эффективность антикризисной политики. Обосновывается вывод о том, что важнейшей причиной относительно неглубокого спада российской экономики в острый период коронавирусного кризиса являются ее структурные особенности. Однако эти же структурные особенности будут и замедлять темпы восстановления в период выхода из коронавирусного экономического кризиса. Структура экономики России также будет меняться по мере развития процесса восстановления, но это займет определенное время, в течение которого экономика России будет оставаться под определенным «структурным» давлением.

Ключевые слова: структурные особенности экономики России, экономические последствия COVID-19, факторы глубины падения экономики в период пандемии, эффективность антикризисной политики.

DOI: 10.31857/S020736760013644-7

Пандемия COVID-19 разрушительно, уничтожающе действует на человечество не только в медицинском смысле. Столь же сильное воздействие она оказывает и на экономику. С этой серьезнейшей проблемой столкнулись практически все страны. Однако становится все более очевидным, что экономики разных стран демонстрируют далеко не одинаковую глубину экономического спада в этот тяжелейший период. От чего зависит глубина провала экономики в той или иной стране в период пандемии? Ответ на данный вопрос важен для понимания перспектив преодоления экономического кризиса, имеющего столь специфическую эпидемиологическую природу.

Принципиально можно выделить следующие факторы, предопределяющие глубину экономического спада в период пандемии COVID-19:

- эпидемиологическая обстановка, готовность и эффективность системы здравоохранения;
- структурные особенности экономики;
- эффективность антикризисной политики.

Оценивать влияние на глубину экономического кризиса с точки зрения эпидемиологической обстановки в то время, когда пандемия COVID-19 еще продолжается, преждевременно. Действительно, после того, как вторая волна пандемии осенью 2020 года стала реальностью, столь же реальным стало и различие ситуации с заболеваемостью COVID-19 не только по разным странам, но даже и в любой из них, если сравнивать положение во время первой волны пандемии весной 2020 года и тем, что происходило во время второй волны осенью 2020 года. К примеру, в таких странах, как Чехия и Грузия, ситуация с коронавирусом весной 2020 года была значительно лучше по сравнению с осенью 2020 года, когда обе страны полностью покрывала вторая волна пандемии COVID-19.

Когда пандемия коронавируса станет историей, когда будет полная картина, как развивалась эпидемиологическая ситуация в той или иной стране, какое противостояние этому было организовано со стороны системы здравоохранения, тогда станет возможным исследовать этот фактор с точки зрения его влияния на глубину экономического спада.

Таким образом, остаются два фактора, влияние которых важно учитывать с точки зрения глубины экономического спада: структурные особенности экономики и эффективность антикризисной социально-экономической политики в период пандемии. Эти факторы не являются совсем равноценными. Со структурными особенностями экономики все более или менее ясно: экономики разных стран встретили пандемию со сложившимися структурами. А вот что касается социально-экономической политики, то тут не было ничего заранее заданного, сложившегося, определенного. Это не означает, что все очень разнообразно в этом плане. Но отличия есть, и они весьма существенны.

Анализировать влияние, эффективность мер социально-экономической политики в период COVID-19 необходимо, однако здесь также необходимо учитывать, что противостояние негативным экономическим последствиям пандемии коронавируса продолжается, что предопределяет промежуточный характер результатов такого анализа. Кроме того, обширность этой темы – влияние эффективности социально-экономической политики на темпы экономического роста в период пандемии COVID-19 – также актуализирует необходимость ее отдельного рассмотрения. Поэтому представляется целесообразным сосредоточиться на том, как структурные особенности экономики влияют на динамику экономического развития в период пандемии коронавируса.

Общие экономические потери от COVID-19 в 2020 году. Прежде чем проводить страновой сравнительный анализ, направленный на выявление причин той или иной глубины экономического кризиса в период пандемии, важно иметь представление в целом о глубине экономического провала мировой экономики и отдельных её стран из-за пандемии коронавируса.

Оценку экономических потерь от пандемии COVID-19 предлагается оценить по глубине возможного падения ВВП. Причем важна цифра не только возможного падения. Если, к примеру, до пандемии прогнозировался экономический рост, то важно учесть и тот факт, что такового уже не будет.

Примерную оценку экономических потерь от COVID-19 в 2020 году можно сделать, сопоставляя прогнозные оценки, которые были сделаны до начала пандемии, когда ничто не свидетельствовало, что такое вообще может быть, и прогнозные оценки – оценки, которые были сделаны уже в разгар коронавирусного экономического кризиса. Разница в прогнозных оценках в процентных пунктах по ВВП и будет экономической ценой коронавирусного кризиса (таблица 1).

Таблица 1

Общие экономические потери от COVID-19 в 2020 году
(примерная оценка по пересмотренным прогнозам по ВВП)

Страна	Прогноз прироста ВВП в 2020 году в %, дата прогноза		Различие прогнозов, в процентных пунктах	Различие прогнозов, в млрд долл.. США
	июн.20	окт.19		
Мир	-4,9	3,4	-8,3	-11786
Бразилия	-9,1	2,0	-11,1	-388
Канада	-8,4	1,8	-10,2	-194
Китай	1,0	5,8	-4,8	-1316
Франция	-12,5	1,3	-13,8	-421
Германия	-7,8	1,2	-9,0	-402
Индия	-4,5	7,0	-11,5	-1274
Италия	-12,8	0,5	-13,3	-327
Япония	-5,8	0,5	-6,3	-358
Россия	-6,6	1,9	-8,5	-372
ЮАР	-8,0	1,1	-9,1	-73
Испания	-12,8	1,8	-14,6	-282
Великобритания	-10,2	1,4	-11,6	-368
США	-8,0	2,1	-10,1	-2162

Источник: МВФ, ФБК Grant Thornton

Почему допустимо использовать такой упрощенный порядок расчетов для оценки возможных общих экономических потерь из-за пандемии COVID-19?

Качество макроэкономического прогнозирования в последние годы обеспечивает относительную точность прогнозов. Это точность не абсолютная, полного совпадения прогнозных и фактических показателей практически не бывает. Однако расхождения между величинами прогнозных и фактических показателей по ВВП измеряются, как правило, десятными долями процентного пункта. Так, применительно к 2018 году подобное расхождение составляло 0,4 процентного пункта (прогноз МВФ – плюс 3,9% мирового ВВП, факт – 3,5%), а в 2019 году расхождение между прогнозным и фактическим показателями составило 0,9 процентного пункта (прогноз – плюс 3,7%, факт – 2,8%). Это вполне приемлемая погрешность для прогнозных оценок. Таким образом, если, к примеру, в октябре 2019 года МВФ прогнозировал, что в 2020 году мировой ВВП вырастет на 3,4%, то можно было ожидать, что фактически результат роста мировой экономики был бы очень близок к этому показателю.

Однако в 2020 году мир столкнулся с пандемией COVID-19, и уже в июне 2020 года МВФ прогнозировал не рост, а снижение мирового ВВП на 4,9%. Таким образом, разница между двумя прогнозными оценками МВФ по динамике мирового ВВП в 2020 году составила 8,3 процентного пункта (таблица 1). В номинальном выражении разница в прогнозах составляет 11,8 трлн долл. США. Эту величину и можно считать предварительной стоимостной оценкой общих экономических потерь от COVID-19 в 2020 году. Окончательная примерная оценка будет дана, когда станет известным фактический результат 2020 года.

Такая оценка правомерна в том случае, если возможно сделать следующее важное допущение: радикальное изменение прогнозных оценок по динамике мировых ВВП в 2020 году связано исключительно с COVID-19. Представляется, что такое допущение, безусловно, можно сделать. Дело в том, что никаких других сильнейших форс-мажорных обстоятельств, которые могли бы столь радикально изменить прогноз по динамике мировой экономики в 2020 году, не было. Следовательно, можно утверждать, что пересмотр прогнозов связан исключительно с пандемией COVID-19.

Оценку по пересмотренным прогнозам ВВП применительно к 2020 году лучше осуществлять, принимая во внимание именно прогноз МВФ, сделанный в июне 2020 года. Дело в том, что в октябре 2020 года МВФ обновил свой прогноз развития мировой экономики в 2020 году, однако возможно, это тот редкий случай, когда более ранний прогноз является более точным. Согласно октябрьскому 2020 года прогнозу МВФ мировой ВВП в 2020 году должен снизиться не на 4,9%, как сам Фонд прогнозировал еще в июне 2020 года, а на 4,4%¹. Такое улучшение прогноза МВФ связывал с несколько лучшими результатами II квартала 2020 года и признаками более сильного восстановления в III квартале.

¹ World Economic Outlook: A Long and Difficult Ascent.

Однако серьезнейший недостаток обновленного (октябрьского 2020 года) прогноза МВФ состоит в том, что в нем фактически не была учтена вторая волна пандемии COVID-19, которая накрыла мировую экономику осенью 2020 года. В такой ситуации более достоверными представляются прогнозные оценки июньского 2020 года прогноза МВФ.

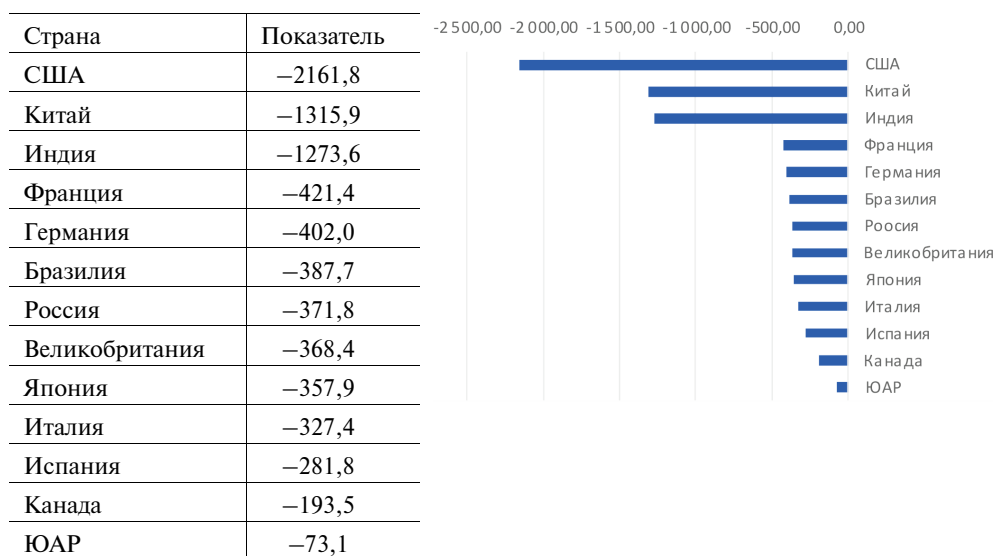
Ориентируясь именно на эти оценки и сопоставляя их с октябрьским 2019 года прогнозом МВФ, можно оценить величину экономических потерь от COVID-19 по разным странам (таблицы 1, 2 и 3). Различие прогнозов дает результат экономических потерь от COVID-19 в 2020 году для России – 372 млрд долл. США по ППС.

Максимальные потери в 2020 году были в экономике США – почти 2,2 трлн долл. США. Также большие экономические потери ждут экономику Китая, несмотря на то, что Китай, по всей видимости, будет единственной из крупных экономик, которая сохранила положительные темпы роста: в 2020 году плюс 1% по ВВП по прогнозу МВФ.

Если же оценивать величину экономических потерь в процентных пунктах (разность между прогнозными показателями МВФ октября 2019 года и июня 2020 года), то самые высокие потери экономики могут быть зафиксированы в экономике Испании – 14,6 процентного пункта. Большой также провал у Франции – 13,8 процентного пункта, Италии – 13,3 процентных пункта, Великобритании – 11,6 процентных пункта.

Таблица 2

Сокращение ВВП при пандемии в 2020 г., млрд долл. США
(оценка по пересмотренным прогнозам)

Источник: МВФ, ФБК Grant Thornton

Таблица 3

Сокращение ВВП при пандемии в 2020 году, п.п.
(оценка по пересмотренным прогнозам)

Страна	Показатель	-16	-14	-12	-10	-8	-6	-4	-2	0
Испания	-14,6									
Франция	-13,8									
Италия	-13,3									
Великобритания	-11,6									
Индия	-11,5									
Бразилия	-11,1									
Канада	-10,2									
США	-10,1									
ЮАР	-9,1									
Германия	-9,0									
Россия	-8,5									
Япония	-6,3									
Китай	-4,8									

Источник: МВФ, ФБК Grant Thornton

Россия имеет минус 8,5 процентного пункта на динамике ВВП (в октябре 2019 года МВФ прогнозировал, что ВВП России вырастет в 2020 году на 1,9%, а в июне 2020 года Фонд уже прогнозировал падение ВВП 6,6%). В октябре 2020 года МВФ также скорректировал и прогноз по России, значительно его улучшив: до минус 4,1% по ВВП в 2020 году. Однако, как было отмечено выше, октябрьскую (2020 года) корректировку прогноза ВВП трудно признать обоснованной ввиду непринятия Фондом во внимание ставшую реальностью осенью 2020 года вторую волну пандемии коронавируса.

МВФ, радикально улучшив в октябре 2020 года свой прогноз по росту российской экономики в 2020 году, также исходил из того, что Минэкономразвития России в сентябре 2020 года улучшило свой прогноз по динамике ВВП с -4,8% до -3,9% по ВВП.

Глубину потерь мировой экономики в 2020 году из-за COVID-19, измеренную на основе сопоставления прогнозных данных, небезынтересно сопоставить с имеющимися альтернативными оценками. Так, Всемирный экономический форум в августе 2020 года оценил общие экономические потери от COVID-19 в 2020 году в 8,1–15,8 трлн долл. США, а Азиатский банк развития называл сумму в 5,8–8,8 трлн долл. США (май 2020 года). Таким образом, сделанная примерная оценка на основе сопоставления прогнозных показателей по динамике мирового ВВП в 2020 году в 11,8 трлн долл. США, в принципе, находится в одном ряду с имеющимися альтернативными оценками. Это подтверждает правомерность предложенного подхода к оценке, несмотря на

приблизительность получаемых результатов. Одновременно требуется отметить, что обеспечить абсолютную точность подобных оценок в любом случае будет затруднительно.

Помимо прогнозных оценок возможной величины экономических потерь в 2020 году от COVID-19, важную информацию дают и промежуточные фактические данные.

Первая волна пандемии пришлась на весенние месяцы 2020 года и затронула, прежде всего, II квартал. Данные по динамике ВВП во II квартале 2020 года по разным странам достаточно сильным образом различаются (таблица 4). Так, ВВП России снизился в II квартале 2020 года по сравнению с соответствующим периодом 2019 года на 8%. И это было существенно меньше по сравнению с тем, что в этот же период снижение ВВП Великобритании составило 21,7%, Франции – 19%, Италии – 17,3%, Канады – 13,5%, Германии – 11,7%, Японии – 10%, США – 9,5%. Таким образом, экономика России продемонстрировала явно лучшие результаты, не считая, правда, Китая, ВВП которого в II квартале 2020 года вырос на 3,2% в годовом выражении. Китай в период пандемии COVID-19 – это особый случай, поэтому из сравнительного странового анализа его исключим.

Таблица 4

Динамика реального объема валового внутреннего продукта, прирост (снижение) в % к предыдущему периоду

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	II квартал 2020 г. в % ко II кварталу 2019 г.
Россия	0,2	1,8	2,5	1,3	-8,0
Германия	2,2	2,6	1,3	0,6	-11,7
Италия	1,3	1,7	0,8	0,3	-17,3
Канада	1,0	3,2	2,0	1,7	-13,5
Китай	6,8	6,9	6,7	6,1	3,2
Соединенное Королевство (Великобритания)	1,9	1,9	1,3	1,5	-21,7
США	1,7	2,3	3,0	2,2	-9,5
Франция	1,1	2,3	1,8	1,5	-19,0
Япония	0,5	2,2	0,3	0,7	-10,0

Примечание: Информация подготовлена на основе публикаций Международного валютного фонда (МВФ), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Статистического бюро Европейского союза (Евростата) и оперативных данных национальных статистических служб.

Источник: Росстат.

Влияние структурных особенностей экономики на развитие экономического кризиса в острый период пандемии COVID-19. Важнейшей причиной неодинаковых темпов падения экономики в разных странах в период пандемии являются структурные особенности их экономик. Однако эта тема в новейшей «пандемической» повестке дня российских государственных органов и исследователей практически не нашла своего отражения. Что касается официальных органов, то объяснения этому вполне понятны: если признать, что именно из-за структурных особенностей российской экономики ее спад в первой половине 2020 года был меньшим по сравнению с соответствующими показателями развитых стран, то говорить об эффективности антикризисной политики в этот период будет не так просто.

Следует выделить, пожалуй, только Банк России, который, констатировав относительно меньшее падение ВВП России в II квартале 2020 года по сравнению со многими странами, отметил, что наибольшее падение добавленной стоимости ожидаемо произошло в сфере услуг, которая больше всего пострадала от действия ограничительных мер. При этом небольшой размер отраслей потребительских услуг в России ограничил их вклад в общее снижение ВВП по сравнению со многими странами ОЭСР².

Если попытаться оценить внимание к теме взаимосвязи между структурными особенностями экономик и темпами их развития в период пандемии COVID-19 в практике международных организаций и зарубежных исследователей, то следует выделить обзор Всемирного банка «Перспективы мировой экономики» (июнь 2020 года)³, в котором отмечается, что экономики, в которых широко развиты определенные сектора, пострадали от пандемии COVID-19 сильнее, чем другие. К таким «неблагополучным» с точки зрения воздействия COVID-19 структурным особенностям экономики относится зависимость от сектора услуг международной торговли (товарного экспорта), трудоинтенсивных секторов.

Наибольшие потери от «вирусных» кризисов ввиду ограничений спроса несут сектора, в которых большую роль играет социальное взаимодействие, такие как туризм, гостиничный бизнес, ресторанный бизнес. В этих секторах наблюдается существенное падение доходов.

Мировой рынок пошатнулся, и развивающиеся страны, глубоко интегрированные и поэтому зависимые от международной сети поставок, пострадают сильнее. В некоторых странах зарубежные поставки составляют порядка 50% всей продукции, они более уязвимы в текущих экономических условиях.

В результате коронавируса в этих экономиках в будущем возникнут сложности с оказанием поддержки государству в виде доходов и фискального стимула.

² Доклад ЦБР стр. 14 https://www.cbr.ru/collection/collection/file/29359/bulletin_20-06.pdf

³ Global Economic Prospects: Pandemic, Recession: The Global Economy in Crisis, World Bank Group, June 2020.

Также в Обзоре Всемирного банка отмечается, что в странах с низким уровнем дохода велика доля трудоинтенсивного сектора, условия труда в котором предполагают высокую близость нахождения трудящихся. Этот сектор существенно пострадает ввиду либо вводимых ограничений, либо отсутствия существенной доли работников из-за болезни.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в своем декабрьском (2020 года) предварительном обзоре мировой экономики⁴ также отмечает, что больше всего пострадали виды экономической деятельности, которых в наибольшей степени коснулись вводимые ограничения и изменение потребительского поведения. Среди них ресторанный и гостиничный бизнес, основу рабочей силы которых составляли женщины – они пострадали от потери дохода в наибольшей степени. Также в более тяжелом положении оказались низкооплачиваемые работники, молодежь, работники с нестандартными условиями труда и работники неформального сектора. Выход из рецессии потребует в большинстве стран структурных изменений, включая диджитализацию экономики.

Что касается попыток научного осмысления структурных особенностей экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, то пока можно сделать тот же самый вывод, который выше уже был сделан на основе изучения российской практики: эта тема пока остается без должного внимания исследователей. Безусловно, соответствующие пробелы необходимо устранять.

Объективное и информативное представление о структурных особенностях экономик различных стран дают статистические данные о структуре валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности (отраслям экономики). Для решения поставленной задачи – выявления взаимосвязи структуры экономики и темпов экономического роста в период пандемии коронавируса – важно определиться, какие данные необходимо взять для анализа. Во-первых, требуется взять самые актуальные данные по структуре экономики накануне пандемии – это данные по валовой добавленной стоимости (ВДС) по видам экономической деятельности (отраслям экономики) за I квартал 2020 года. Ограничения, связанные с пандемией коронавируса во многих странах, стали реализовываться только с конца марта 2020 года, так что каким-то заметным образом повлиять на структуру экономики этот фактор еще не успел.

В II квартале 2020 года влияние первой волны пандемии COVID-19 было ярко выраженным. Сопоставляя данные по структуре экономики различных стран и то, какие показатели продемонстрировали в острой фазе коронавирусного кризиса отдельные отрасли экономики, можно выявить влияние структурных особенностей экономик на темпы экономического роста в пандемию.

⁴ OECD Economic Outlook, Volume 2020 Issue 2, #108, December 2020, Preliminary version.

Следует отметить, что III квартал 2020 года, когда многие страны продемонстрировали неплохие результаты экономического восстановления, не является показательным в целях нашего анализа, так как главная задача состоит в том, чтобы определить влияние структурных особенностей на глубину падения экономик, а не на скорость их восстановления. Эти задачи, безусловно, взаимосвязанные. Однако если для решения первой задачи уже есть достаточно фактического материала, то для решения второй задачи, объективно, его еще не хватает, так как пандемия пока продолжается.

В IV квартале 2020 года мир накрыла вторая волна пандемии COVID-19. Однако брать в качестве исходной структуры экономики данные по долям валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности (отраслям экономики) за предшествующий III квартал 2020 года было бы неправильно, потому что такие данные уже отражали влияние пандемии. Поэтому и был выбран следующий подход: данные по структуре валовой добавленной стоимости (исходные) были взяты за I квартал 2020 года, а данные по динамике (росту ВДС), за II квартал 2020 года (таблица 5).

В I квартале 2020 года доля валовой добавленной стоимости **промышленности** в совокупной ВДС по всей экономике в России составила 30,2%, что превосходит соответствующий показатель в наиболее развитых европейских странах: Германии – 26,0%, Италии – 21,6%, Испании – 18,5%, Великобритании – 15,6%, Франции – 15,0%. Причем в российской промышленности, по данным Росстата, доля добывающей промышленности во всей экономике в I квартале 2020 года составила 11,6%. Это важно учитывать, потому что добыча полезных ископаемых вообще не подвергалась локдауну ввиду особенностей производственного цикла. Да и ограничения по обрабатывающей промышленности России (15% – доля в совокупной ВДС) были более мягкими по сравнению с западными странами.

Таким образом, экономика, в которой доля промышленности наиболее высокая, причем это предопределяется значительным весом добывающей промышленности (экономика России), имела существенные конкурентные преимущества в период карантинных ограничений.

Неудивительно, что валовая добавленная стоимость в промышленности России снизилась в II квартале 2020 года на 8,9%, в то время как соответствующий показатель по промышленному производству в Германии составил – 21,0%, Италии – 27,8%, Испании – 23,8%, Франции – 24,4%, Великобритании – 18,6%. Важно отметить, что Германия, в которой доля валовой добавленной стоимости промышленности в совокупной ВДС по всей экономике наиболее высокая среди данных европейских стран, показала хотя и высокие, но все-таки одни из наименьших темпов падения промышленности среди этих же стран.

Таблица 5

Структура и прирост ВДС по основным ВЭД и их группам в России, Франции, Германии, Испании, Италии, Великобритании в I–II кв. 2020 года, в %

код	Показатель/страна	% к ВДС в рын. ценах						прирост к соотв кв 2019 г.		% к ВДС в рын. ценах		прирост к соотв кв 2019 г.	
		ВЭД		Россия		Франция		Испания		Италия		Великобритания	
		I кв	II кв	I кв	II кв	I кв	II кв	I кв	II кв	I кв	II кв	I кв	II кв
	Валовая добавленная стоимость в основных ценах	100.0	100.0	1.7	-8.1	100.0	100.0	-5.5	-18.8	100.0	100.0	-1.8	-11.5
A	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	2.2	3.3	2.3	0.4	2.1	2.2	-2.6	-3.1	0.8	0.8	-0.2	-1.0
B-E	Промышленность	30.2	25.1	1.3	-8.9	15.0	12.3	-7.5	-24.4	26.0	21.6	-6.8	-21.0
C	Обрабатывающие производства	15.0	14.5	3.6	-7.8	12.1	9.7	-7.8	-26.1	22.6	18.4	-6.9	-22.6
F	Строительство	3.6	5.7	0.7	-1.7	6.0	4.7	-12.3	-30.8	6.6	6.4	5.2	2.8
G-I	Торговля, транспорт, гостиницы и рестораны	21.3	20.4	1.9	-15.7	19.2	15.1	-9.1	-28.7	17.7	15.2	-1.0	-14.5
J	Деятельность в области информации и связи	2.3	3.0	0.6	-2.3	6.3	5.7	-0.1	-8.2	5.5	5.4	0.7	-2.9
K	Деятельность финансовая и страховая	4.9	5.3	9.8	6.1	4.6	4.3	-3.2	-10.5	4.2	4.1	0.8	-0.5
L	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	10.6	11.3	1.8	-1.2	15.2	14.9	-0.1	-2.5	11.8	11.7	0.7	-1.3
M-N	Бизнес-услуги	6.2	6.8	1.0	-10.4	16.0	13.8	-6.7	-21	12.7	11.2	-1.9	-13.5
O-Q	Госуправление, образование, здравоохранение и социальное обеспечение	16.5	17.5	1.1	-1.1	25.8	25.1	-3.7	-15.6	21.2	20.0	-0.1	-8.3
R-U	Культура, спорт, развлечения, прочие услуги, деятельность домашних хозяйств, деятельность экстерриториальных организаций	2.3	1.7	-0.3	-32.4	3.0	2.0	-8.8	-35.5	4.2	3.5	-2.4	-20.4
	Валовая добавленная стоимость в основных ценах	100.0	100.0	-3.7	-21.3	100.0	100.0	-5.6	-18.1	100.0	100.0	-2.1	-21.5
A	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3.7	4.1	-0.2	6.3	2.5	2.6	-2.4	-5.0	0.8	0.7	3.6	-4.2
B-E	Промышленность	18.5	15.7	-5.2	-23.8	21.6	17.6	-9.9	-27.8	15.6	12.2	-4.1	-18.6
C	Обрабатывающие производства	14.1	11.3	-5.9	-27.3	18.2	14.5	-10.4	-30.5	11.4	8.8	-5.2	-23.5
F	Строительство	7.3	6.3	-6.6	-27.5	4.8	3.7	-6.9	-27.4	7.6	5.0	-3.9	-38.1
G-I	Торговля, транспорт, гостиницы и рестораны	26.1	16.4	-8.6	-44.9	23.5	18.7	-28.7	-20.2	20.2	13.3	-4.3	-36.2
J	Деятельность в области информации и связи	4.5	4.2	-1.8	-12.8	4.4	4.1	1.5	-3.5	8.4	7.4	-0.2	-12
K	Деятельность финансовая и страховая	5.4	4.4	-0.1	0.8	5.6	5.4	-2.2	-6.8	7.9	7.5	-0.8	-4.4
L	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	14.4	13.8	1.1	-5.2	16.0	15.4	-1.1	-5.4	16.3	15.6	1	-1.9
M-N	Бизнес-услуги	10.8	8.4	-2.5	-26.8	11.4	9.1	-2.2	-22.7	15.9	12.0	0.1	-23.2
O-Q	Госуправление, образование, здравоохранение и социальное обеспечение	22.6	23.0	0.9	-0.2	19.2	19.2	-3.5	-7.6	22.4	23.9	-2.8	-22
R-U	Культура, спорт, развлечения, прочие услуги, деятельность домашних хозяйств, деятельность экстерриториальных организаций	5.5	3.8	-8.2	-37.6	4.4	4.2	-7.5	-14.6	4.3	2.4	-2.6	-46.6

Источник: Росстат, Евростат

Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство (далее – Сельское хозяйство) – в современной экономике занимает совсем небольшую долю. Доля ВДС сельского хозяйства в совокупной ВДС по всей экономике в России составила в I квартале 2020 года 2,2%. Среди рассматриваемых европейских стран наиболее высокая доля сельского хозяйства в экономике по ВДС была в I квартале 2020 года в Испании (3,7%), далее идут Италия (2,5%), Франция (2,1%), Германия (0,8%) и Великобритания (0,8%).

Сельское хозяйство, пожалуй, в наименьшей степени по сравнению с другими отраслями подвергалось карантинным ограничениям в период первой волны пандемии коронавируса. Учитывая данный факт, а также очень незначительную долю ВДС сельского хозяйства в совокупной ВДС по всей экономике, характерную для всех рассматриваемых стран, явного влияния структуры ВДС на глубину экономического кризиса на примере сельского хозяйства не прослеживается.

Тем не менее следует отметить, что страна с наибольшей долей сельского хозяйства в экономике страны – Испания – продемонстрировало существенный прирост ВДС в данной отрасли в II квартале 2020 года – на 6,3% к соответствующему периоду 2019 года. И это несколько уменьшило глубину падения всей испанской экономики в II квартале 2020 года.

Торговля, транспорт, гостиницы и рестораны (далее – Торговля) – важнейший, очень весомый вид экономической деятельности во всех рассматриваемых странах.

К тому же именно по составляющим данного вида экономической деятельности – транспорту, гостиницам и ресторанам – пришелся, возможно, главный удар коронавирусного кризиса. Необходимо учитывать и тяжелые ковидные последствия для розничной торговли непродовольственными товарами.

В России доля валовой добавленной стоимости торговли в совокупной ВДС в I квартале 2020 года составила 21,3%.

Среди рассмотренных пяти развитых европейских стран фактически даже более высокая доля торговли в экономике была в I квартале 2020 года в Испании – 26,1%. В Испании это вообще лидирующая отрасль по своему весу во всей экономике, а в России она находится на втором месте после промышленности.

При практически соизмеримом весе в экономике торговля в России в II квартале 2020 года упала на 15,7%, в то время как в Испании объем ВДС торговли обвалился на 44,9% по сравнению с соответствующим периодом 2019 года. Произошло это во многом благодаря тому, что, во-первых, в Испании, значительно больший удельный вес, по сравнению с Россией, у таких составляющих данного вида деятельности, как гостиницы и рестораны. Гостиницы и рестораны находились в числе наиболее пострадавших отраслей, именно эти сектора упали больше всего. Поэтому торговля как обобщенный

вид экономической деятельности продемонстрировала в Испании обвальное падение.

Во-вторых, уже российской спецификой торговли является очень большой оптовый сектор, представленный тем же ПАО «Газпром». Это предопределило, несмотря на в целом отрицательный результат, в разы более благоприятные российские показатели, если сравнивать торговлю в России и той же Испании по темпам падения экономики в II квартале 2020 года в годовом выражении. В России лучше, потому что там большой оптовый сектор, который упал незначительно, в Испании хуже, потому что там в торговле большой вес гостиниц и ресторанов, которые по-настоящему обвалились. Данные и по другим развитым европейским странам подтверждают вывод о структурном преимуществе России по данному виду экономической деятельности, чем и объясняется тот факт, что российская торговля упала на существенно меньшую величину.

Исключение, на первый взгляд, представляет лишь Германия, в которой торговля в II квартале упала в годовом выражении даже на меньшую величину, чем в России – на 14,5%. Однако здесь необходимо учитывать, что в Германии доля гостиниц и ресторанов все-таки относительно меньше и по данному виду экономической деятельности, и в экономике в целом, чем в Италии, Испании или Великобритании. Так что пример Германии, напротив, подтверждает верность вывода о влиянии структуры экономики на глубину её падения в период пандемии COVID-19.

Важнейшим видом экономической деятельности, который доказывает важность структурных особенностей экономики с точки зрения её динамики во время серьёзных карантинных мероприятий первой волны пандемии COVID-19 весной 2020 года, являются **бизнес-услуги**. В данный укрупненный вид экономической деятельности входят: деятельность в области права и бухгалтерского учета; деятельность головных офисов, консультирование по вопросам управления; научные исследования и разработки; деятельность рекламная и исследование конъюнктуры рынка; аренда и лизинг, деятельность по трудоустройству и подбору персонала, деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма, и пр.

Таким образом, это очень емкий вид экономической деятельности. Неудивительно, что его доля по итогам I квартала 2020 года в совокупной валовой добавленной стоимости по всей экономике в рассмотренных крупнейших европейских экономиках составила от 10,8% в Испании до 16,0% во Франции. Во Франции доля бизнес-услуг превосходила даже долю промышленности.

Напротив, доля бизнес-услуг в экономике России остается относительно небольшой. Доля валовой добавленной стоимости бизнес-услуг во всей валовой добавленной стоимости по экономике, по итогам первого квартала 2020 года составила 6,2%, что почти в пять раз меньше по сравнению с

соответствующим показателем по промышленности. В сравнении с аналогичными показателями крупнейших европейских экономик доля бизнес-услуг в российской экономике очень невелика, что является её важной структурной особенностью. Валовая добавленная стоимость бизнес-услуг в России снизилась в II квартале 2020 года на 10,4% по сравнению с соответствующим показателем 2019 года, что было явно лучше по сравнению с тем, как падали бизнес-услуги в западноевропейских экономиках: в Испании (–26,8%), Великобритании (–23,2%), Италии (–22,7%), Франции (–21%), Германии (–13,5%).

С таким значительным весом бизнес-услуг в экономике и такими показателями падения из-за, в первую очередь, карантинных ограничений, которые были сильнее, если сравнивать с Россией, влияние данной структурной особенности крупнейших европейских экономик было явно не в их пользу.

Если продолжить сопоставлять Россию и крупнейшие европейские экономики, выявляя структурные особенности сравниваемых стран и то, как они влияют на динамику развития тех или иных видов экономической деятельности, это еще в большей степени подтвердит вывод о том, что относительно неглубокое падение экономики России во время пандемии COVID-19 было предопределено. Вывод о том, что структура экономики России стала ее своеобразным преимуществом на данном этапе, является вполне обоснованным.

Структурные особенности экономики в период выхода из экономического кризиса, вызванного COVID-19. Если сегодня можно уже достаточно обоснованно утверждать, как показал предыдущий анализ, что наблюдалось выраженное влияние структурных особенностей экономики в острый период экономического кризиса в период пандемии, то встает естественный вопрос о том, какого влияния этих особенностей можно ожидать во время выхода из кризиса.

Кризис, очевидно, рано или поздно закончится, человечество постарается решить проблему COVID-19. Несложно предположить, что точно так же, как экономики разных стран по-разному падали во время острой фазы кризиса, точно так же эти же экономики будут демонстрировать разные темпы восстановления. Причем из трех важнейших факторов, которые, как отмечалось выше, предопределяли глубину падения (эпидемиологическая обстановка и эффективность системы здравоохранения, структурные особенности экономики, результативность антикризисной политики), первый фактор не будет иметь столь важного значения в фазе именно выхода из кризиса, потому что с массовой и повсеместной вакцинацией населения, к чему стремится все мировое сообщество, ситуация в этом плане будет не сильно различаться по странам.

Что же касается структурных особенностей экономик, то они, безусловно, останутся. Если так, то необходимо попытаться понять, как они могут повлиять на скорость выхода из экономического кризиса.

Российская экономика, как отмечалось, утяжелена промышленностью и, прежде всего, её добывающим комплексом. Причем сырьевая направленность российской экономики в последние годы только усилилась, что подтвердили данные Росстата по структуре российской экономики, которые он обнародовал весной 2020 года в связи с тем, что в своих оценках темпов экономического роста Росстат перешел на новый базисный год. Теперь в качестве базисного был принят 2018 год (раньше базисным считался 2010 год).

Необходимость периодического пересмотра базисного года возникает потому, что по мере удаления от базисного года точность оценок снижается, поэтому статистики примерно раз в пять лет сдвигают базисный год. Именно это и было сделано в начале 2020 года.

Необходимость последнего пересчета данных на основе нового базисного года была вызвана также и тем, что в 2017 году были введены новые классификаторы (ОКПД 2 и ОКВЭД 2). Плюс сами предприятия уточняют свои первичные данные, что также актуализирует задачу по пересчету статданных. Так что оснований для пересчета данных по промышленному производству набралось предостаточно: новый базисный год – 2018, новые классификаторы, уточненные данные от предприятий.

Новые данные с точки зрения изменения структуры промышленного производства показали следующее: доля обрабатывающих производств в общем объеме промышленного производства снизилась с 53,2% в 2010 году до 50,7% в 2018 году. Напротив, доля добычи полезных ископаемых увеличилась с 34,1% до 38,9% соответственно. И вот с такой структурой российской промышленности Россия вступила в экономический кризис, триггером которого стал коронавирус.

Влияние пандемии COVID-19 на российский добывающий комплекс однозначное: спрос на углеводородное сырье, прежде всего на нефть, снижается. Весной 2020 года это влияние снизилось преимущественно из-за карантинных ограничений. Падение мирового спроса на нефть доходило до 25%. К концу 2020 года произошло определенное восстановление спроса, но все равно оно было ниже уровня спроса 2019 года примерно на 10%. Главное, что этот спрос в обозримой перспективе не восстановится. Не восстановится он потому, что очень медленно и не до конца будет восстанавливаться спрос потребителей на нефть и нефтепродукты (авиаотрасль и др.); мощнейший импульс для развития получило электроавтомобилестроение; чрезвычайно ускорились в своем развитии дистанционные форматы работы, что естественным образом снижает спрос на топливо; очень быстро растет интернет-экономика с её интернет-доставками товаров и прочими сервисами и т.д.

Неудивительно, что одна из крупнейших мировых нефтяных компаний British Petroleum (BP) в своем годовом отчете по перспективам развития

энергетики (сентябрь 2020 года)⁵ радикально пересмотрела свои предыдущие прогнозы и теперь утверждает, что спрос на нефть достиг своего пика и больше расти не будет. Ни один из возможных вариантов прогноза, рассматриваемых сегодня ВР, не предусматривает превышения спроса на нефть над достигнутым в 2019 году уровнем в 100 млн баррелей в сутки.

Российская экономика с весомым добывающим комплексом в её структуре объективно оказывается при такой ситуации в непростом положении. То есть в начале пандемии, в острой фазе экономического кризиса, большой добывающий комплекс российской экономики, который не подвергался карантинным ограничениям, был ее конкурентным преимуществом. Зато по мере выхода из кризиса и в постковидной экономике он становится её обременением.

Если возьмем другую структурную особенность российской экономики – небольшой вес бизнес-услуг, гостиниц, предприятий общепита, то есть того, что больше всего пострадало в острый период коронавирусного кризиса, – то на траектории выхода из кризиса это тоже будет не в пользу России. Эти сектора с большими весами в развитых европейских экономиках будут и быстрее всего восстанавливаться, потому что они представлены, прежде всего, малым бизнесом, который очень активно реагирует на возросший потребительский спрос.

В российской же экономике эти сектора и сами по себе невелики, и будут проблемы с потребительским спросом ввиду крайне негативной динамики реальных располагаемых доходов населения в период пандемии (по итогам 2020 года реальные располагаемые доходы населения в России снизились, по данным Росстата, на 3,5% в годовом выражении).

Таким образом, важнейшие структурные особенности российской экономики будут замедлять темпы ее восстановления в период выхода из коронавирусного экономического кризиса. В этой связи официальный прогноз Минэкономразвития России (сентябрь 2020 года)⁶, исходящий из того, что прирост ВВП в 2021 году составит 3,3%, а в 2022 году – 3,4%, представляется нереалистичным. Структура экономики будет сильно влиять на темпы экономического восстановления, она будет меняться по мере развития этого процесса. Однако структура экономики не может поменяться очень быстро, это займет определенное время, в течение которого экономика России будет оставаться под определенным «структурным» давлением.

⁵ Energy Outlook 2020, ВР, September 2020.

⁶ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов, Минэкономразвития России, сентябрь 2020.

Igor Nikolaev (e-mail: strategy@fbk.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Director of the Institute of Strategic Analysis, FBK Grant Thornton, Moscow

Viktor Cherepov (e-mail: Cherepovvm@rspp.ru)

Grand Ph.D. in Medical Sciences (D.Med.Sc.), Professor, Head of the Department of Management in Healthcare and Sports Industry, State University of Management, Moscow

Olga Sobolevskaya (e-mail: olsob@bk.ru)

Grand Ph.D. in Medical Sciences (D.Med.Sc.), Professor of the Department of Management in Healthcare and Sports Industry, State University of Management, Moscow

STRUCTURAL FEATURES OF THE ECONOMY AND THE DEPTH OF THE ECONOMIC CRISIS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

The article is devoted to the study of the consequences of the impact of the COVID-19 pandemic on the economies of various countries. The reasons why national economies show unequal depth of economic recession during the pandemic period are considered. The estimates of total economic losses from COVID-19 in 2020 have been calculated for the following countries: USA, China, India, France, Germany, Brazil, Russia, UK, Japan, Italy, Spain, Canada, South Africa. The following are named among the main factors that have determined the economic dynamics of the period: epidemiological situation, readiness and efficiency of the health care system; structural features of the economy; effectiveness of anti-crisis policy. The conclusion is substantiated that the most important reason for the relatively shallow recession of the Russian economy in the acute period of the COVID-19 crisis is its structural features. However, these same structural features will also slow down the pace of economic recovery during the rehabilitation period. The structure of the Russian economy will also change as the recovery process develops, but this will take some time, during which the Russian economy will remain under certain “structural” pressure.

Keywords: structural features of Russian economy, economic consequences of COVID-19, factors of the depth of economic decline during the pandemic, the effectiveness of anti-crisis policy.

DOI: 10.31857/S020736760013644-7